

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

На шпильках
по джунглям

Дарья Александровна Калинина На шпильках по джунглям

Серия «Сыщицы-
любительницы Кира и Леся»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949455

Калинина Д. А. На шпильках по джунглям : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58557-1

Аннотация

Любимая кузина Леси уже в четвертый раз собралась замуж и на этот раз решила не повторять своих прежних ошибок. Избранник Верунчика – заграничный красавец, не чета ее бывшим мужьям-неудачникам. Проблема только в одном: жених Крис живет на краю света, в ЮАР, а Верунчик перед самым отлетом к нему сломала ногу. Теперь Лесе и Кире приходится выручать незадачливую невесту – и лететь на смотрины втроем. Но в первые же дни пребывания в Африке прямо на глазах у изумленных российских путешественниц на охоте в местном сафари-парке убивают отца Криса – Якоба, а полиция отказывается расследовать это происшествие, списав его на несчастный случай. Пуля, поразившая добропорядочного африканского землевладельца Якоба, принадлежит его сыну

Петресу – брату Криса, и у того было достаточно поводов желать смерти своему отцу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Калинина

На шпильках по джунглям

Глава 1

Выходя из машины, Леся сразу же ощутила, как пронзительный осенний ветер вцепился в ее волосы. Успевшие отрасти за лето на весьма приличную длину, локоны являлись предметом гордости их обладательницы. Но если еще недавно Леся гордилась своими кудрями, всячески выставляя их напоказ, то сегодня, намокшие и тяжелые, они падали на лицо, липли к щекам, лезли в нос и рот, одним словом, причиняли девушке неудобства, а не радость.

Не успела Леся пересечь привокзальную площадь, как двадцать раз уже пожалела, что не надела шапочку или хотя бы теплую куртку с капюшоном. За каким интересом она напялила на себя коротенький светлый плащик, который хоть и выгодно подчеркивал ее талию и пышный бюст, но совершенно не грел.

– И еще туфли на каблуках нацепила, идиотка! – ругала себя Леся. – Прыгай в них теперь по лужам!

Погода, не радовавшая уже с утра, с течением дня становилась все только хуже и хуже. Дождь усилился, а вместе с ним и ветер, который вырывал из рук девушки зонтик, за-

ставляя ее ругаться такими словами, какие молодой леди совсем не пристало произносить.

– Да чтоб вас так и этак! – ругалась Леся на дождь и ветер, который выгибал спицы ее зонтика.

И это несмотря на клятвенные заверения продавца в фирменном магазине, что на зонтик установлены все мыслимые и немыслимые усовершенствования – антидождь, антиветер и еще какие-то анти. Но, видимо, все они были рассчитаны на совсем легкий ветерок и небольшой дождик. А те, что дули и лили сейчас в Питере, были уже из другого разряда.

– В такую погоду надо дома сидеть! Хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит.

Однако сидеть дома, в обществе своей подруги и двух кошек, Леся никак не могла. Сегодня приезжала ее двоюродная сестра из Липецка – Вероника, которую все родные и друзья называли Верунчик. И Леся должна была встретить ее поезд, ну и кухню вместе с ним. Верунчик всегда была большая модница и любительница, что называется, погнуть пальцы. И отчасти поэтому Леся сегодня и вырядилась совсем не по погоде.

Но теперь было похоже, что произвести впечатление на кухню вряд ли удастся. Под дождем и холодным ветром Леся совсем околела и выглядела как мокрая кошка.

– Нет, это уму непостижимо! – возмущалась девушка, пока стояла на перроне и дрожала под налетающим шквалистым ветром и дождем. – Какой-то кошмар, а не жизнь!

И еще Леся решительно не понимала, зачем ее любимому Верунчику приспичило ехать к ним в Питер именно в такой неприглядный осенний сезон. По скайпу Верунчик отказывалась обсуждать эту тему. Увиливала и уклонялась от прямого ответа, как только могла. А если Леся настаивала, так еще и обижалась:

– Ты что, совсем не хочешь меня видеть? Ты меня совсем не любишь. А еще сестра, хоть и двоюродная!

И в глазах Верунчика блестели такие искренние слезы, что Леся не выдерживала и кивала:

– Ладно, приезжай, только потом сама на себя пеняй. Сезон ты выбрала самый отвратительный. Намучаешься, если захочешь по экскурсиям поехать.

– Я у вас не задержусь! – обрадовалась Верунчик. – А насчет экскурсий... Экскурсии мне будут обеспечены в куда как более теплом климате.

И это пока что было единственное, в чем созналась Верунчик. И поэтому к нетерпению Леси, понятному каждому ожидающему приезда гостя, примешивалось еще и жгучее любопытство, что же затеяла на сей раз ее неугомонная сестрица.

В семье о Верунчике ходили настоящие легенды. Как о ней самой, так и о ее трех неудачных замужествах. И самое главное, о ее позитивном настрое. Пережив крушение своих надежд и собрав осколки семейных лодок, Верунчик неизменно вновь возрождалась для новых авантюр. Вот и сейчас

она намекнула, что готова попытаться счастья в четвертый раз.

– Просто не девушка, а птица Феникс!

Первый муж Верунчика оказался гуленой. Второй был драчуном, регулярно поколачивающим свою молодую жену не за какую-то там провинность, а так просто, порядка ради.

– Знал бы, за что бью, – поговаривал этот индивид, – вообще бы убил!

Ну а третий оказался хоть и тихим, но наркоманом, причем свою пагубную зависимость скрывал так ловко и умело, а ухаживал так красиво и напористо, что Верунчик сообразила, с кем связалась, лишь после ЗАГСа, застав своего благоверного со шприцем в руках и закатанной штаниной парадного смокинга.

– Спокуха, – ничуть не смутившись, произнес новобрачный, бодро вкатывая себе укол под коленку. – Не пропадем! Мои родители поставили условие: для продолжения финансирования я должен жениться. Теперь они успокоятся, а свадебных денег нам с тобой, дорогая, хватит надолго.

В этом муж ошибся. Денег хватило лишь на месяц. А затем Верунчик с ужасом поняла, что ее втягивают в какой-то чудовищный круговорот, состоящий из грязи, лжи и обмана. Муж дурил головы своим родителям, виртуозно вымогая у них деньги то на лекарства для бедной больной бабушки Веры, то на операцию ее тете, то еще на каких-то мифических бедных и убогих Вериных родственников, которых у нее отродясь не было.

В конце концов, свекровь начала делать Верунчику намеки, что пора бы и честь знать. Количество сырых и больных надо бы урезать. Верунчик сначала ничего не понимала, потому что никакой вины за собой не чувствовала. Все манипуляции муж проделывал за ее спиной. И Верунчик лишь глазами хлопала в ответ на укоры свекрови.

А дальше стало еще хуже. Мужа арестовали за покупку и хранение наркотических средств в крупном размере, должны были посадить. Он рыдал, клялся, что бросит, умолял занять денег у родителей. Но при этом говорить родителям, зачем нужны деньги, Вере строго воспрещалось.

– Если скажешь, между нами все будет кончено. Я тебя никогда не прощу!

– Но что же мне сказать?

– Скажи им, что у тебя умер папа!

– С ума сошел! Мой папа умер уже восемь лет назад.

– Тогда скажи, что брат!

– Типун тебе на язык. Брат у меня в армии. Не стану я таких вещей про него говорить!

– Тогда меня посадят!

А ты не воруй, хотелось ответить Вере бессмертной фразой Папанова! Но тут Верунчик была бы не права. Ее муж не воровал. Он лишь клянчил и клянчил у своих родителей деньги, измысливая все новые и новые способы. Потом покупал наркотики, и все начиналось по новой.

Верунчику это надоело. Она поехала к свекру в офис и

честно там все рассказала. Родители пришли в ужас и... И обвинили во всех бедах Верунчика!

– Но он уже употреблял наркотики, когда мы поженились! – пыталась втолковать этим горе-родителям Верунчик. – Он употребляет их со школы. Неужели вы этого не замечали?

После этого на девушку вылился целый ушат грязи и оскорблений.

– Это ты довела мальчика до тюрьмы!

– Мы считали тебя порядочной девушкой, а ты оказалась дрянью!

В общем, сыночка родители от тюрьмы отмазали. Но вот Вере они сказали:

– Ты не оправдала нашего доверия. Мы думали, что ты будешь удерживать нашего сына от безумств. А ты ему лишь в этом потакала!

Верунчик собрала вещи и вернулась к маме в Липецк. Там она в течение полугода залечивала раны, нанесенные ей последним замужеством. А вот теперь ехала к Лесе. И везла с собой какую-то тайну.

– Леська! Как же я рада тебя видеть!

С этими словами Верунчик выскочила из вагона, волоча за собой огромных размеров чемодан на колесиках. Чемодан был таким большим и тяжелым, что Лесья мигом заподозрила наличие в нем всяких там домашних варений-копчений-печений, до которых мама Верунчика была такой боль-

шой охотницей и мастерицей. Леся оказалась права.

– Вот черт! – безуспешно дергая чемодан, который задними колесиками застрял в щели между перроном и составом, ругалась Вера. – И зачем мама столько всего напихала! Уж я ей говорила, говорила... А она ну ни в какую. Вези, говорит, доня. Такого мяса и колбас в Питере не найдешь. К нам за ними из самой Украины ездят. А уж там вкус сала отлично знают!

Чемодан Верунчику помог выкорчевать какой-то бравый военный, которому она элементарно мешала пройти. Но Верунчик мигом усмотрела в этом новый повод для флирта. И повисла на военном, намекая, что, если уж у него так хорошо установился контакт с ее чемоданом, надо и дальше этим пользоваться. И ведь уговорила бы беднягу. Тот уже был почти согласен волочить огромный чемодан и дальше, вплоть до машины, а может быть, и вообще по жизни, но, к счастью, в первую очередь для самого военного, появилась его жена с двумя хорошенькими ребятишками. И Верунчику вместе с ее чемоданом пришлось уступить.

Кузины вдвоем поволокли чемодан по очереди, пыхтя и отдуваясь. И если прежде Лесе было холодно и мокро, то теперь от нее буквально во все стороны валил пар.

– Что там у тебя такое? – тяжело дышала она. – Говоришь, копченья?

– И еще варенья. И соленья. И колбаса. И сало. И мясо копченое. А как же, небось на край света собираюсь. Надо

же с собой гостинцев захватить.

Край света? Верунчик именует Питер, до которого всего сутки с небольшим езды на поезде, краем света? Леся задумалась. Передав в очередной раз чемодан Верунчику, она решила, что надо хотя бы попытаться уточнить, что происходит и о чем говорит ее кузина, но внезапно ее отвлек скрип и скрежет колес, а потом громкие испуганные крики.

– Что такое?

Неожиданно Леся обнаружила, что рядом с ней никого нет. Ни Верунчика, ни ее чемодана. Погрузившись в раздумья, Леся даже не заметила, что давно уже идет одна. Верунчик вместе с ее неподъемным чемоданом осталась где-то позади. Именно там, где сейчас раздавались возбужденные людские крики и уже образовалась пробка из-за вставших машин.

– Человека задавили!

– Девушку!

– Погибла!

– «Скорую»! Скорей!

Сердце у Леси сделало бешеный скачок, поднявшись до самого горла и судорожно заколотившись там.

– Верунчик!

Повернув назад, Леся помчалась к месту происшествия. На дороге было полно машин и недоумевающих людей, но Леся обогнула и распихала их всех.

– Верунчик! – кричала она при этом. – Верунчик, ты где?

Верунчик, ты жива? Ты меня слышишь?

И тут же замерла, потому что увидела свою кухню, распростертую на грязном асфальте. Верунчик по-прежнему сжимала в руках ручку чемодана. Сам чемодан валялся немного в сторонке. Но Верунчик этого словно не замечала. Девушка была хоть и жива, но в шоке и не обращала никакого внимания на окружавших ее людей и общее смятение, виновницей которого была она сама.

– Верунчик! – подскочила к кухне Леся. – Что произошло?

Верунчик ничего не ответила, лишь безмолвно потрясла головой. Но вокруг нашлось достаточно словоохотливых граждан, которые просветили Лесю, что случилось с ее кухней.

– На вашу подругу наехали.

– Вот он!

– Гоняют, как им нравится. По сторонам, извиняюсь, совсем не смотрют!

Второй виновник ДТП – здоровенный парень с простым и хорошим лицом – сконфуженно разводил руками.

– Я не виноват! Я правильно ехал. Свет на светофоре мой был. А она на дорогу выскочила!

– Не выскочила. Она там и была! У нее чемодан в дырке застрял, она его сдвинуть не могла.

У Леси на глаза слезы навернулись. Бедная самоотверженная Верунчик! Спасая мамины гостинцы, она пожертвовала

собой.

– Ты как? – снова повернулась к ней Леся. – Встать можешь?

Верунчик немного подумала и кивнула. Но когда она попыталась подняться, ее левая нога подогнулась. И Верунчик с громким криком шмякнулась обратно на асфальт.

– Перелом, – со знанием дела произнес кто-то из толпы. – Или вывих.

– Врачей надо вызывать.

– И ГИБДД. Похоже, тут дело серьезное.

Так и получилось, что вместо домика в коттеджном поселке под названием «Чудный уголок», где жила Леся вместе со своей подругой Кирой и двумя кошками, Верунчик отправилась в больницу. И пусть даже ее поместили в отдельную палату и сразу же сделали рентген, наложили гипс и вкололи обезболивающее вместе со снотворным, все-таки, как подозревала Леся, больница, даже самая комфортабельная, была далеко не тем местом, где мечтала оказаться ее непутевая кузина.

Но вся величина и глубина катастрофы выяснилась буквально на следующий день, когда подруги отправились проведать Верунчика в больнице. Они застали больную всю в слезах.

– Так страшно нога болит? – участливо осведомилась у нее Кира, присев на край кровати. – Надо вызвать врача!

Но Верунчик неожиданно разрыдалась еще громче и схватила Киру за руку:

– Ты просто себе не представляешь, в какое я попала ужасное положение!

– Если ты насчет заготовок твоей мамы, то они не пострадали. Ни одна банка с салатами не разбилась. Твоя мама просто молодец. Так все утрамбовала, что у банок практически не было шансов разбиться. Мы уже все попробовали. Очень вкусно. А уж сало из банки...

– При чем тут какие-то банки? При чем тут сало? – перебив ее, снова затряслась в рыданиях Верунчик. – Речь идет о моей судьбе! О моем счастье!

– О чем?

– О счастье! – повторила Верунчик. – Я собиралась замуж! Прямо от вас должна была лететь к моему жениху. А куда уж мне теперь с этой штукой да в самолет!

И Верунчик постучала по краешку гипса, в который была аккуратно упакована ее нога от щиколотки и до колена. Впрочем, еще вчера врачи сказали Лесе, что перелом у ее кузины просто замечательный. Загляденье, а не перелом. Без смещения, даже не перелом, а так, трещина. Правда, большая. И поэтому покой пациентке необходим по меньшей мере еще недели полторы, а то и две. Да и потом она вряд ли сможет свободно передвигаться. Но все же прогнозы врачей насчет Верунчика были самые благоприятные. И теперь подруги решительно не понимали, по какой причине такая все-

ленская скорбь.

– Ты чего ревешь-то? Палата у тебя отдельная, лежи себе, отдыхай.

– Он решит, что я его бросила!

– Кто?

– Он!

– Любовник?

– Нет. Бери выше!

– Кто? Жених?

– Да!

– У тебя есть жених!? – поразилась Леся. – И ты мне ничего о нем не сказала?

И так как Верунчик продолжала рыдать, ничего не объясняя, то она потрясла ее:

– Говори, есть жених или нет?

– Есть! То есть был! Теперь-то он решит, что я его не люблю.

– Не решит!

– Решит! Его уже так две девушки продинамили. Он решит, что я тоже... того... Динамщица!

Подруги переглянулись между собой. Об этом деле следовало узнать поподробнее. И Леся придвинула себе стул, подсев поближе к кровати страдальницы.

– Ну-ка! Рассказывай! – потребовала она от кузины. – Рассказывай все и без утайки. Во что ты опять впуталась?

– Ни во что я не впуталась, – хотела надуться Верунчик, но

вовремя вспомнила о своем безвыходном положении, дуться передумала и начала, наоборот, честно и откровенно рассказывать о том, во что до сего дня не хотела посвящать ни одну живую душу.

– Это я для мамы специально придумала, будто бы к тебе в гости еду. А на самом деле я из Питера через неделю должна была в Кейптаун лететь, к Крису.

– Кейптаун – это Южная Африка?

– Мыс Доброй Надежды, – кивнула Верунчик. – Самая южная точка земли.

– Действительно, край света. И твой Крис там живет?

– Да.

– Ни фига тебя, мать, занесло! – присвистнула Кира. – Поближе кавалера себе найти не могла?

– Поближе все козлы оказались, – грустно вздохнула несчастная, прикованная к кровати невеста. – А Крис... он такой хороший... Он мне денег на дорогу выслал! Он сказал, что если меня зовут, как и его покойную маму – Вероника, то это знак судьбы.

Из дальнейшего монолога Верунчика выяснилось, что Крис – ее дорогой и любимый жених, с которым она познакомилась два месяца назад по Интернету, – уже дважды наткнулся на обман и мошенничество со стороны своих «невест», которые деньги на дорогу брали, а вот прилететь к жениху так и не удосуживались. И теперь Верунчик очень опасалась, как бы Крис не подумал и про нее то же самое и впопыхах,

не разобравшись толком, не разорвал их помолвку.

Поэтому Верунчик собиралась лететь в Южную Африку, даже если ее придется загружать в самолет на носилках.

– Погоди, зачем такая спешка? – попыталась отговорить ее Леся. – Никуда твой Крис не денется. Мы с ним сейчас свяжемся по скайпу, он увидит, что ты лежишь в больнице, вокруг врачи, капельницы, у тебя гипс на ноге... Ну какой тут подвох? Он подождет пару неделек. Или даже дольше.

Но Верунчик так решительно затрясла в знак протеста головой, что подруги даже удивились, как это она у Верунчика вовсе не отвалится?

– Нет, нет, нет! – твердила девушка. – Никак нельзя, чтобы Крис увидел меня в таком состоянии. Я выгляжу просто ужасно! Синяк на бедре, рука ободрана.

– Синяк и руку он не увидит. Во всяком случае, не по скайпу.

– Нельзя, чтобы Крис узнал о случившемся со мной. Он увидит в этом дурное предзнаменование.

– Если любит, то не увидит.

– Увидит! Я же вот увидела!

Переспорить Верунчика оказалось невозможно. Она твердила о своем намерении лететь в Кейптаун к милому Крису, даже если это потом будет стоить жизни или здоровья.

– Пусть я останусь инвалидом, пусть одна нога у меня на всю жизнь будет короче другой, пусть я буду кривой и горбатой, но зато калекой я буду замужем!

– Далось тебе это «замужем», – вздохнула Леся. – Ты там уже три раза побывала и что-то вернулась не в восторге.

– Все равно. Хочу замуж. Хочу замуж за Крису. Я должна выйти за него замуж и утереть нос всем своим бывшим!

– Ну, допустим, двоим из них ты и так уже утерла нос. Первому так даже дважды. И вообще... тебе не кажется, что вступать в брак, желая насолить другим, – это не лучший вариант?

Но Верунчик закусила удила:

– Мне все равно. Я полечу. Тут больница, а не тюрьма. Я подпишу любую расписку, скажу, что не имею никаких претензий и никогда иметь не буду. И полечу!

Учитывая, что рейс был уже через неделю, а Верунчик пока что даже до туалета не могла дойти без посторонней помощи, подружки в этом сильно сомневались.

– Ты даже до самолета не доковыляешь.

– Одна – нет. А вот если вы полетите со мной, то очень даже запросто.

Подружки не сдержались и ахнули:

– Мы?

– С тобой?

– Что мы забыли в этой далекой Африке?

– Да еще на самом ее краю!

Верунчик распахнула свои глаза и заканючила:

– Не, девчонки... Ну, что вам стоит? Вы же все равно сейчас не загружены работой. Помогите мне. Я даже могу одной

из вас оплатить билет в одну сторону. Крис прислал мне денег, чтобы я купила билет в бизнес-классе, а я сэкономила и купила обычный. Разницу отдаю в вашу пользу. Ну, девочки... Ну, пожалуйста. Леся? Кира? Ну, как? Вы мне можете?

Подруги переглянулись между собой еще раз. В принципе ничего сверхневероятного в просьбе Верунчика не было. Все как обычно. Кто-то из близких впутывается в очередную историю, а подругам предстоит разгрести последствия этой истории. Но в данном случае речь шла о счастье не кого-нибудь, а любимой двоюродной сестры самой Леси.

Отказать сейчас Верунчику означало начало кровной вражды, а возможно, что и семейного раскола. Сколько известно примеров, когда дружные семьи разделялись на враждующие лагеря по куда менее важному поводу. Пойти на это добрая и превыше всего ценящая мир в семье Леся не могла. Поэтому она потянулась к Кириному уху и прошептала:

– Жалко ее. Ты погляди, может, это ее последний шанс устроить свою личную жизнь.

Кира взглянула. Вытянувшаяся на больничной койке Верунчик в самом деле выглядела жалкой и раздавленной. Да еще эта ее сломанная нога... Нет, нельзя позволить, чтобы какая-то там нога стала причиной несчастья этой молодой женщины. Ей и так уже досталось от жизни и от ее мужей.

И Кира произнесла заветную фразу, которую и ждала от нее Лесина кузина:

– Ну, допустим, мы с тобой полетим. Но как все это осуществить? С кем мы оставим наших кошек?

Кошки – Фантик и Фатима – были уже в том преклонном возрасте, когда любые существа, будь то люди или кошки, нуждаются в особом присмотре и внимании.

– Оставим их на попечении тети Наташи. Кошки ее любят. Она вполне может заменить нас на некоторое время. На сколько ты хочешь, чтобы мы с тобой полетели? А, Верунь?

Не успела она договорить, как Верунчик издала торжествующий вопль и едва не свалилась с кровати, кинувшись обнимать подруг. Поймав ее буквально на лету и водрузив обратно, смеющиеся подруги начали выяснять подробности предстоящей им экспедиции в далекую Африку.

И подробности эти оказались так сложны и многочисленны, что надо было немедленно приниматься за решение всех вопросов, чтобы успеть на тот же рейс, каким должна была лететь сама невеста.

Глава 2

Таким образом, ровно через неделю после произошедшего судьбоносного разговора трех девушек, белоснежный воздушный корабль принял на свой борт стенающую при каждом шаге Верунчика и двух поддерживающих ее подруг.

– Слушай, тебе медаль за героизм надо дать.

– Точно, точно. Медаль за вступление в брак в чрезвычайных обстоятельствах.

– Не шутите, девчонки. Мне и так больно!

Несмотря на то что Верунчик доехала до аэропорта на такси, а по самому аэропорту передвигалась исключительно в инвалидном кресле, которое заранее забронировала для нее Кира (в наших аэропортах надо быть начеку и готовым к любым неожиданностям, это вам не Европа, где кресло предоставят по первому вашему требованию, в России такового может и вовсе не оказаться в наличии), Верунчик переносила дорогу тяжело.

Сломанная конечность продолжала болеть. Верунчик стояла. И последний отрезок до самолета стал для Верунчика и ее сопровождающих самым тяжелым.

– Уф! Все! – выдохнула Леся, наконец усадив и заранее пристегнув Верунчика к креслу, чтобы потом уж лишний раз не вставать. После этого подруги попадали в свои собственные кресла и порадовались тому, что перелет до Кейптау-

на займет много часов. У них появится возможность хоть немножко передохнуть.

Верунчик оказалась очень требовательной и капризной персоной. Вела она себя так, словно уже вышла замуж за южноафриканского жениха, и помыкала холостыми подругами, как собственными рабынями. Но Кира с Лесей держались мужественно. И приписывали поведение Веры ее плохому самочувствию.

– Ты сообщила своему Крису, что прилетаешь не одна?

– Он пришел в совершенный восторг. Сказал, что может снять для вас номер в гостинице. Но он будет счастлив, если мы все трое поселимся у него в доме.

– У него большая квартира?

– У него дом, – с достоинством произнесла Вера.

– Так он очень богат? – приятно удивилась Кира.

– Да уж не беден. Семья Криси происходит от самых первых голландских поселенцев, которые прибыли на землю Южной Африки еще в семнадцатом веке. Тогда это место было вроде перевалочного пункта для путешественников, отправлявшихся дальше на Восток. Маленький порт и небольшое поселение вокруг него. Голландцы выращивали на огородах свежие овощи, которыми и торговали с кораблями. Потом они посадили виноградники и оливковые рощи. Ну, так у них дальше и пошло по части земледелия.

– И до сих пор выращивают овощи?

– У семьи Криси много земли, – уклончиво ответила Ве-

рунчик. – И еще какие-то фабрики, и производства, и рудники.

– Какие рудники?

– Золотые?

– Алмазные?

– Ой, не спрашивайте меня, девчонки. Я не знаю.

– Как же, такой важный вопрос, и ты не знаешь?

– Я специально не расспрашивала Криса о том, насколько он богат и каково его состояние. Ну, понимаете, сама-то я совсем небогатая. Вот и не хотела, чтобы он подумал, что я с ним только ради его... ради его денег связалась!

До сих пор подругам, занятым оформлением виз, страховок, покупкой билетов и прочими хлопотами, как-то не пришло в голову выяснить, к кому же, собственно говоря, они летят. И сейчас для этого, как им казалось, был самый подходящий момент.

– У тебя есть его фотография? Покажи нам своего Криса!

Подруги ожидали увидеть какого-нибудь низенького и плюгавенького шибздика, которого обмануть – просто дело чести для всякой ценящей себя красавицы. Но оказалось, что Крис очень даже недурен собой. Не красавец с журнальной обложки, но ведь с моделью жизнь не сахар. А с таким симпатичным рослым и веселым парнем очень даже.

Кира с Лесей долго изучали фотографию, пытаясь найти хоть один недостаток.

– Хорошие какие у него зубы. Жаль, что немного кривые.

Левый клык Криса слегка «наползал» на его соседа. Но это была такая ерунда по сравнению с густыми волосами, блестящими глазами и чистой кожей, что даже и зацикливаться на ней не стоило. Не недостаток, а так, крохотный изъян, пикантная горчинка, чтобы не было приторно сладко.

– Ну вот, – с удовлетворением произнесла Верунчик, пряча телефон с фотографией своего Криса подальше от алчущих глаз подруг. – Это и есть мой Крис. Да вы не переживайте, у него, кажется, имеется целая куча братьев и холостых друзей. Найдем и вам кого-нибудь.

Произнесено это «кого-нибудь» было таким снисходительным тоном, что сразу же становилось ясно: этот «кто-нибудь» обязательно должен занимать куда более низкое положение в обществе, чем дорогой Крис. Иначе Верунчик была не согласна. Верунчик любила, чтобы мир вертелся вокруг нее. Просто удивительно, как с такими замашками она уже трижды попадала впросак с замужеством, выбирая себе совсем неподходящих партнеров.

Перелет прошел легче, чем ожидали подруги. И когда солнце стало подниматься над горизонтом, они увидели под крылом самолета океан и гору с плоской вершиной. Это была Столовая гора, названная так потому, что за ней вполне могли устроиться на пирушку какие-нибудь великаны или даже древние боги.

Приникнув к иллюминаторам, подруги с жадностью рассматривали город, о котором знали так непозволительно ма-

ло. Как уже сказала Верунчик, основан он был в начале семнадцатого века голландским колонистом, который с небольшой группой своих друзей, родственников и сподвижников разбил маленькое поселение, снабжавшее моряков, заглянувших в эту бухту, свежей зеленью и овощами.

Жизнь тут текла тихо, мирно и совершенно неспешно. Но в 1867 году в окрестностях, в Кимберли, были найдены алмазы. А потом в 1884 году в Трансваале нашли золото. И вот тут-то все и началось... В тихий уголок Африки хлынули переселенцы из всех стран земного шара. Англия, до сих пор безмятежно взиравшая на этот забытый всеми клочок земли, тоже встрепенулась и заявила о своих претензиях.

Буры – потомки первых голландских колонистов – не захотели отдавать наглым империалистам свои пахотные угодья и пастбища для многочисленных голов скота. Они дружно взялись за оружие, и вплоть до 1902 года между бурами и англичанами шла кровопролитная война. Сначала первая англо-бурская кампания, потом вторая. Завершилось все капитуляцией буров, но капитуляцией весьма неоднозначной. Англия взялась компенсировать бурам весь нанесенный им ущерб. И что самое интересное, действительно его компенсировала!

В наши дни Кейптаун был крупным городом, насчитывающим почти четыре миллиона жителей. Все эти знания подруги почерпнули от своих соседей – молодой пары, которая летела в ЮАР на собственный медовый месяц.

– Африка – это что-то невероятное! Такой первозданной красоты я не видел больше нигде.

– Мы собираемся посетить Зимбабве и Ботсвану. Хотите с нами?

Ага, только Верунчику с ее сломанной ногой и скакать по саванне!

– Ничего страшного. Мы будем вам помогать!

– Ага! Где надо, Владик может понести на руках вашу подругу!

Нет, все-таки некоторые люди чертовски странные. Вот у них медовый месяц и свадебное путешествие, за каким фигом им тащить с собой еще кучу народу? Медовый месяц он на то и медовый, чтобы наслаждаться жизнью, а не ломать головы над устранением чужих проблем.

Крис сидел в зале ожидания. Он первым вычислил девушек, как не без издевки подумали подруги, по ослепительно-белому гипсу на ноге у Верунчика. Все-таки пассажиров с самолета двигалось целое море, женщин, в том числе и молодых, и красивых, среди них тоже было много. Вряд ли Крис признал бы Верунчика так быстро без ее гипса.

– Как я рад! Дорогая моя! Любимая! Обожаемая!

Крис был очень эмоционален. На его больших синих глазах выступили слезы восторга. Он заключил Веронику в свои объятия и долго и, как показалось подругам, слишком крепко к себе прижимал. Все-таки это была их первая встреча в реале. И к тому же гипс... будь он неладен. Но Крис и на

гипс смотрел с восторгом. То на него, то на Верунчика, то опять на гипс.

– Такая самоотверженность! – воскликнул он наконец. – Неужели это все ради меня?

Глаза его буквально светились от счастья. А сам он едва не прыгал от радости. Когда Верунчик сообщила своему жениху, что не вполне здорова, что у нее легкая травма ноги, Крис попытался отговорить ее. Но когда та заявила о своей твердой решимости прилететь к нему, явно обрадовался.

Но сейчас подругам показалось, что Крис слишком уж восторженно приветствует Верунчика. И вообще... Чего он потащил ее в такую даль? Ну и что с того, что Верунчика звали как мать Криси? Небось девушек с именем Вероника или его аналогами нашлось бы немало и поближе к Кейптауну, где жил сам парень.

– Добро бы был косым, кривым и вообще уродом. А так... Неужели такому симпатяге не удалось найти себе невесту где-нибудь поближе?

Трудно поверить, что в многомиллионном Кейптауне не отыскалось ни одной красотки – белой или черной, готовой ответить Крису взаимностью. К чему было искать невесту так далеко?

– Ты не подумай, что я завидую Верунчику, но какой-то этот ее Крис... какой-то он странный.

– Слишком восторженный? Да?

– Да. Посмотри на него. Так и пляшет возле Верунчика.

– Он вообще трезвый?

Но спиртным от Криса не пахло. Взгляд был осмысленным. Во всяком случае, не пьяным. На наркомана он тоже похож не был, слишком здоровые мышцы бугрились под трикотажной майкой, обтягивающей его широкие плечи. И за руль своей машины – длинной спортивной «БМВ» – он уселся без малейшего колебания.

– Хотите, я покажу вам город?

Изъяснялся Крис на безупречном английском, который подруги отлично понимали. И от экскурсии они бы не отказались. Но Верунчика вконец измучил длинный перелет. Еще бы, тринадцать часов в пути без учета ожидания во время пересадки в Париже, так что она простонала:

– О нет! Умоляю, поедemте скорее домой. Я мечтаю увидеть наш с тобой общий дом поскорее.

Крис кинул на свою невесту взволнованный и счастливый взгляд.

– О'кей, дорогая, – покладисто согласился он. – Как скажешь.

От аэропорта до самого города было около двадцати километров, подруги глазели из окон и удивлялись. Они-то думали, что Южная Африка – это безводная, выжженная солнцем пустыня. Но оказывается, климат тут был весьма близок к средиземноморскому. И растительность поражала богатством красок и изобилием форм.

– У них тут все цветет! – удивлялась Леся. – А у нас хо-

лодно и слякоть!

– Не забывай, мы в Южном полушарии. У нас уже осень, у них весна.

От экватора с его изнуряющей сухой жарой тут было очень далеко. И подружки искренне обрадовались, что послушали уговоров Верунчика. Пусть перелет был долгий и трудный, но зато в конце его они попали в самый настоящий земной рай.

– Как тут красиво! – искренне воскликнула Кира.

– О да! – отозвался Крис. – У нас очень красиво.

– Настоящий земной рай!

– Так было раньше. Но в последнее время белому населению живется тут далеко не так привольно, как прежде. Многие мои знакомые вообще уехали из страны.

– Почему? – поразилась Кира.

Лично она никогда бы не покинула эти места, казавшиеся землей обетованной. Но Крис быстро объяснил ей суть дела:

– После отмены в тысяча девятьсот девяностом году политики апартеида черные заняли в стране многие руководящие посты. Как всякое быдло, дорвавшееся до власти, за эти годы они страшно обнаглели. И теперь они требуют передела собственности, ведь еще слишком много богатств находится в руках белых.

– А им это не нравится?

– Разумеется, нет. Они хотят получить даром все то, что наши деды и прадеды создавали своими силами не одну сот-

ню лет. Черные не годились ни на что, кроме самых примитивных работ. Вспахивать землю, пасти скот, поливать и собирать урожай.

– А еще работать в шахтах и на рудниках.

– Да, – ничуть не смутился Крис. – И там тоже.

Что же, теперь было ясно, что страна разделена на два враждующих лагеря. Но всю глубину этой вражды подругам еще предстояло лицезреть в скором будущем.

Пока что они только знали, что время апартеида, когда черным предписывалось жить, работать, лечиться отдельно от белых, прошло. Раньше даже передвигаться по стране белые и черные могли лишь раздельно. Отдельно автобус для белых, отдельно для черных. Вот так, и никак иначе.

И последствия политики государства, в котором выросло не одно поколение граждан ЮАР, продолжали сказываться на его простых жителях. Черное население почувствовало вкус власти и рвалось зачерпнуть из богатств своей страны. А белые упорно не отдавали им то, что считали своим.

– С каждым годом ситуация усугубляется. Ежегодно совершается множество нападений на белые поселения, фирмы и магазины, которыми владеют белые. Но полиция, которая во многих местах состоит лишь из черных, ничего не предпринимает, чтобы наказать преступников.

Мсть сладка и сама по себе. А уж когда она подкреплена звоном золота и блеском бриллиантов, тут уж удержу ей и вовсе нету.

– Но твоя семья пока что держится?

– Мой предок приехал в эту страну одним из первых. И мы не отдадим черным то, что создавалось не одним поколением!

Однако, как могли видеть подруги, большинство черного населения ЮАР до сих пор ютилось в трущобах. Вероятно, их братья, засева в политическом собрании или даже встав у руля правления страны, больше были озабочены личным обогащением, чем благополучием своих соплеменников.

Дорога до дома оказалась не такой уж веселой. Крис явно вспомнил о проблемах своей страны, задумался и совсем забыл о своей роли радушного хозяина. Измученная Верунчик дремала на заднем сиденье. А подруги молча смотрели в окна.

– Вот мы и приехали! – неожиданно произнес Крис, затормозив перед большими воротами, которые в ту же секунду услужливо раздвинулись перед их машиной.

– О! – пораженно ахнули подруги. – Какое великолепие!

Перед их глазами был настоящий дом их мечты. Современный, с белыми стенами и огромными окнами, создававшими ощущение, что зеленый газон и голубая гладь бассейна плавно переходят в гостиную и столовую. Участок был сформирован на трех уровнях, так же как и сам дом. Один уровень – зеленый двор и кухня. Ступенька вверх – и вот уже вы оказываетесь на уровне бассейна и гостиной. А дальше еще одна ступень, и вы уже вновь идете по зеленой траве,

утопая в цветах, и попадаете в столовую.

Что касается Верунчика, то она просто ошеломленно тащи­лась на это великолепие, явно не в силах поверить, что скоро это все будет принадлежать и ей тоже.

– Все спальни размещены на втором этаже, – рассказывал Крис, провожая гостей к дому. – Уверен, вам будет удобно. Лимпо! Эй, Лимпо! Встречай нас!

Крис хлопнул в ладоши, и тут же появился пожилой седо­власый негр, который величественно приветствовал подруг на­клоном головы.

– Лимпо служил еще у моего отца, – засмеялся Крис. – Он очень старый и любит важничать. Признаюсь, он поряд­ком меня раздражает. Но отец запретил мне его выгонять. Да Лимпо и сам бы никуда не ушел. Его предки были рабами еще у моего прапрадеда с матушкиной стороны.

Чаша симпатий вновь качнулась в пользу черного насе­ления ЮАР. В самом деле, жили себе веселые, дочерна заго­релые ребята, горя не знали. А приехали к ним белые пере­селенцы, мало того что земли отняли, так еще и их самих рабами сделали. А после отмены рабства начался апартеид, жизнь цветных при этом политическом режиме была далеко не сахар.

Но старый негр, казалось, не замечал бестактности свое­го хозяина. Он смотрел на него с выражением бесконечной нежности, как смотрят на своих детей любящие родители.

– Разрешите мне взять вещи ваших гостей?

Крис рассеянно кивнул. Негр взял чемоданы и направился с ними к дому. Но, уже уходя, старый слуга все же позволил себе подколку, показывая, насколько он близок со своим молодым хозяином:

– Мистер Крис, а мне казалось, вы ждали одну невесту. Что же, теперь их у вас три?

– Иди и не задавай ненужных вопросов! Тебя забыли спросить!

– Я-то пойду, – покачал головой Лимпо, – но вот что скажет на это все ваш отец? Это же надо такое придумать, сразу три невесты. Честное слово, это слишком даже для вас!

– Успокойся ты, старый болван! Эти девушки просто подруги моей невесты. Разве не видишь, она нуждалась в помощи сопровождающих, чтобы добраться ко мне.

– Ну, раз так, тогда другое дело. И все же, мне кажется, надо известить вашего батюшку.

– Отца я возьму на себя. Не беспокойся.

И, повернувшись к подругам, присевшим на что-то, отдаленно напоминающее лавочку, Крис нетерпеливо воскликнул:

– Ну же! Поднимайтесь в свои комнаты, переодевайтесь, приводите себя в порядок с дороги. Обедать мы приглашены к моему брату. А ужинать будем в доме отца. Там соберется человек сто пятьдесят – двести.

Ничего себе программа на день! А подруги даже еще толком не пришли в себя после перелета. Про Верунчика и го-

ворить нечего. Она еле стояла на ногах, верней, на одной ноге.

– Крис, тебе не кажется, что для Верунчика такая насыщенная программа будет в тягость?

– Ничего нельзя изменить, – тут же насупился Крис. – Петрес – любимец отца. Если вы ему понравитесь, можно считать, что мою помолвку с Веруней отец одобрит. Если же нет...

Крис на мгновение замялся, но затем встряхнулся и воскликнул:

– Однако не будем думать о плохом! Я уверен, что вы понравитесь моему брату. Все будет в порядке.

И с этими словами он провел девушек в дом, а потом начал подталкивать их к какой-то странной конструкции, которая вела под потолок. Оказалось, что это стеклянная лестница, причем каждая из ступеней мало того, что была прозрачна, она еще и крепилась таким хитрым способом, что издали казалось, будто ступени парят в воздухе. Ступать по этой лесенке было страшновато. Да еще шла она не вертикально вверх, ступени закручивались лихо по спирали.

Возможно, как дизайнерское решение – это было смело и ново. Но вот ходить по такой лестнице, особенно с непривычки, было страшно.

Верунчик, так та и вовсе выпала в осадок.

– Мне с моей ногой на этой штуковине нипочем не удержаться. И где перила? Где перила, я спрашиваю? Всякая нор-

мальная лестница имеет перила!

Перил не было. Видимо, хвататься предстояло за воздух.

– А... А другого пути наверх нету?

– Вам не нравится моя лестница? – снова обиделся Крис. –

Но я докажу вам, что это очень удобно!

И он поднялся по лестнице. Но даже его пример не смог заставить девушек сдвинуться с места.

– Ну и оставайтесь там! – крикнул им Крис сверху. – Трусихи!

С этими словами он исчез, оставив ошеломленных девушек внизу.

– Можете подняться на лифте, – услышали они позади себя голос Лимпо.

– У вас есть лифт?! – возликовали все трое. – Что же вы сразу не сказали?

Лифт тоже был стеклянный. И пол в кабине был прозрачный. Но это все-таки было куда лучше, чем парящая в воздухе лестница.

– Вы тут работаете один? – спросила Кира у слуги.

– Мистер Кристофер нечасто бывает дома. Так что мои обязанности меня не утомляют.

Подруги только вздохнули. Они понимали Кристофера, который старался пореже бывать в своем доме. Несмотря на потрясающий дизайн, жить в этом прозрачном кубике, разделенном на три части, казалось довольно проблематичным. Особенно когда дело касалось спальных помещений. Они то-

же оказались с прозрачными стенами.

– А как быть с этим?

И Кира указала на три стеклянные стены, которые позволяли обозревать все окрестности: купающихся соседских детей, жарящего мясо на гриле соседа, трех собак и одну симпатичную девушку, загорающую на своей крыше в шезлонге. Девушка была абсолютно обнаженной. Она лениво потягивала коктейль через соломинку и, казалось, понятия не имела, что за ней наблюдают.

– Что вы имеете в виду?

– Тут же все... э-э-э... прозрачно. Мы видим их, они видят нас.

– Не беспокойтесь. Это специальное стекло, снаружи вас не видно.

Леся распахнула дверь в ванную комнату и ахнула. Вместо пола в ней плескалась вода.

– Лимпо! Вас затопило! – воскликнула она. – Наверное, трубы прорвало. У нас такое было. Скорей вызывайте сантехников или кто у вас тут есть. Скорей! Сейчас пол провалится до первого этажа, и весь дом зальет!

Впервые на губах Лимпо появилось подобие улыбки. Но своей безупречной вежливости он не потерял и тут:

– Не беспокойтесь, мисс. Это всего лишь голографическое изображение. Никакого потопа тут нет. Просто такая картинка. Видите, там даже рыбки плавают.

Леся пригляделась и увидела, что под ногами в волнах и

водорослях весело плещутся разноцветные мальки.

– А... Ну, да... теперь все ясно.

Лимпо величественно кивнул и наконец удалился. А девушка дала выход своим чувствам:

– Нет, ты как хочешь, а этот парень совершенно чокнутый! Стены прозрачные. Пол из воды! Лестница парит в воздухе. Он больной на всю голову, этот наш Крис!

– Тише! – зашипела на нее Кира. – Еще услышит!

– Ну и пусть слышит. И вообще, что он там услышит? Этот парень ни бельмеса не понимает по-русски.

– Я говорю про Верунчика. Ей не понравится, если она услышит, как ты отзываешься о ее женихе.

Но Верунчик, которая поселилась в спальне напротив, когда подруги заглянули к ней, и сама выглядела не слишком веселой. Она растерянно посмотрела на подруг и тихо произнесла:

– Не знаю, как-то я себе все это иначе представляла.

– Тебе тут не нравится?

– Пока не очень.

– Нога болит?

– И нога болит, и вообще... Девочки, вы считаете, я правильно сделала, что приехала сюда?

– Насчет тебя не знаю. А вот то, что ты нас с собой прихватила – это стопудово ты правильно поступила!

Верунчик повеселела. И сказала, что она, пожалуй, примет душ, если только подруги подержат ее ногу с гипсом,

который нельзя мочить. Принимать душ, держа ногу параллельно полу – это не самое легкое дело. Но подружки с Верунчиком все же справились.

После этого мероприятия подружки ополоснулись и сами. И прилегли отдохнуть. У них было еще два часа до назначенного Крисом сбора. И они намеревались использовать это время с толком. Однако заснуть им, как они ни старались, так и не удалось. Девушки только даром проворочались в кроватях, не понимая, в чем тут дело. Кровати были удобными. Воздух, дующий из кондиционеров, прохладным. Сами они сильно устали. Так в чем же дело? Почему сон упрямо не шел к ним?

– Кажется, я знаю, в чем причина.

– И в чем?

– Эти стены... окна... не знаю, как их назвать. Они прозрачные. Мы не можем отгородиться от мира. Мы все время словно бы на ладони у всех соседей. Мне кажется, что они нас видят.

– Точно.

И хотя Лимпо клятвенно заверил друг, что снаружи ни одну из них не увидит никто из соседей, но спать, когда все вокруг занимается своими делами, развлекаются, бегают и резвятся, не было никакой возможности. Еще хуже обстояло дело с унитазом. Нет, он не был прозрачным, только квадратным. Но сидеть на квадратной тумбе, когда вокруг тебя стеклянные стены – это удовольствие было тоже не для по-

друг. Кира попыталась, но у нее так ничего и не получилось.

– Не могу я писать при всеобщем обозрении, – с этими словами она вышла из туалета. – Не говоря уж о том, чтобы сходить по-большому. Наверное, мы с тобой страшно отста-
лые, да?

– Мы-то с тобой нормальные. А вот этот Крис... Тебе не кажется, что он все-таки очень странный?

– Настроение у него меняется довольно часто. Но возможно, он просто так реагирует на приезд невесты? Потом все успо...

Договорить Леся не успела. Внезапно внизу раздался громкий женский вопль. Подруги обменялись дикими взглядами:

– Верунчик!

– Свалилась!

– Сломала себе вторую ногу.

– Руку!

– Шею!

– Голову!

Но, выскочив из спальни, подруги наткнулись на вполне живую и здоровую Лесину родственницу. Верунчик была в гипсе, но выглядела как обычно. Да и крик шел откуда-то снизу. Излишне говорить, что пол в коридоре тоже был прозрачным. И все три девушки хорошо видели, что происходит внизу.

А там разворачивалась удивительная сцена. Молодая

негритянка, повиснув на Лимпо, била его маленькими кулачками по широкой груди и громко кричала. Что именно она кричала, подруги разобрать не могли. Язык был им незнаком. Однако негритянка несколько раз повторила одно и то же имя.

– Она что-то говорит про Крису.

– Неужели это его любовница?

– Не может быть! Крис ни за что не стал бы встречаться с черной женщиной.

Подруги уже поняли, что жизнь в Южной Африке до сих пор очень четко делилась на белое и черное. И мужчины из влиятельных белых семей Кейптауна да и других городов ЮАР не стали бы встречаться с черными женщинами. Это было недопустимо, невозможно, неправильно. Это было неписанным законом, за нарушение которого можно оказаться изгнанным из своего клана.

– Но она что-то хочет от Лимпо.

– Хочет поговорить с Крисом.

– А Лимпо ее не пускает.

Лимпо казался очень разгневанным и одновременно смущенным. Он пытался вытащить девушку прочь из дома, пытался зажать ей рот рукой. Но девушка вырывалась из него рук, кусалась, брыкалась. И наконец ей это удалось. Одним прыжком красотка преодолела половину расстояния до прозрачной лестницы. И через мгновение взлетела вверх, ничуть не смущаясь того, что ступеней у нее под ногами совсем

НЕ ВИДНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.